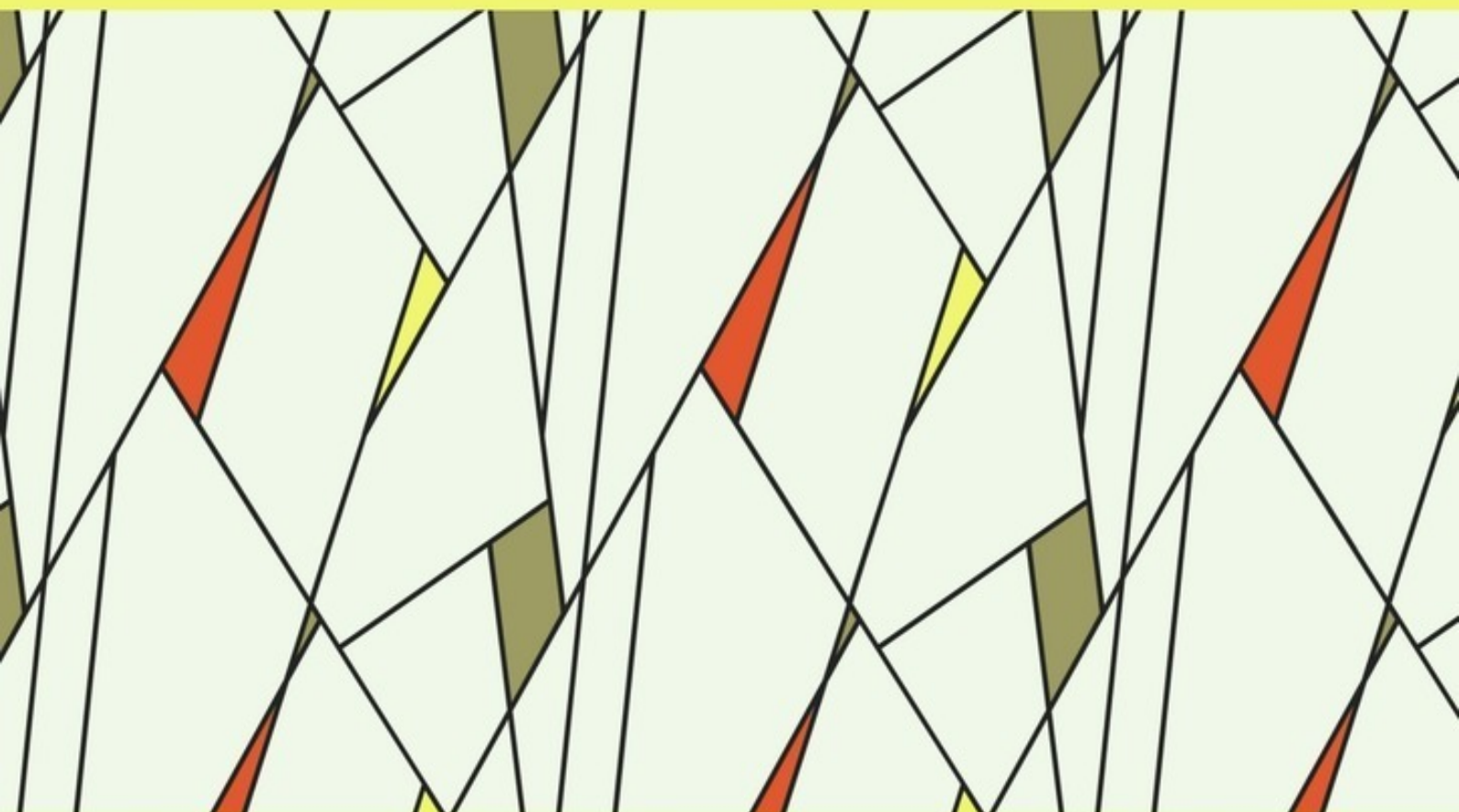

Алёна Романова

АССОРТИ КИНОВАРНОГО ВЕТРА

Два года выдыхая краски жизни

Алёна Романова

**Ассорти киноварного ветра. Два
года выдыхая краски жизни**

«Издательские решения»

Романова А.

Ассорти киноварного ветра. Два года выдыхая краски жизни /
А. Романова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851712-9

Роман-эссе писался два года. В сборнике собраны эссе: о памяти к кодам рода, восторг от проведения киновечера, путешествия-поиски ответов на вопросы: «Кто я?», «Где прячется любовь?» Всё через призму времени: безмятежного детства, укрытого одеялом из родительской заботы и бабушкиной любви, и холодных реалий, скованных из набора механистических действий. Строки-роли, фразы-толчки, рассказы-ступени хрупкой души, жаждущей подняться и взлететь. В этой книге всё, что было до полета.

ISBN 978-5-44-851712-9

© Романова А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
КРАСНЫЕ СЛЕЗЫ	7
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	12
ГЛАВА 4	14
МАРЦИПАНОВАЯ КРОШКА	17
ГЛАВА 1	18
ГЛАВА 2	20
ГЛАВА 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ассорти киноварного ветра Два года выдыхая краски жизни

Алёна Романова

© Алёна Романова, 2017

ISBN 978-5-4485-1712-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Если виток накладывается на виток и история повторяется, значит что-то нам мешает продвинуться вперед. Возможно, мы застряли в пути, а возможно, ступили не на свою тропу.

Два года я осваивала новые земли, сеяла зерна, закладывала фундаменты. Как меня занесло туда и в качестве кого? Журналистская профессия тому причиной. Меня буквально упростили работать в онлайн-журнале с узкой направленностью, я долго сопротивлялась, но меня очень просили, обещали много хорошего, и я согласилась. А через год сама уволилась (ни одно обещание не сбылось) и перешла работать в компанию схожей направленности, на должность руководителя отдела внешних коммуникаций. Отдел создать мне так и не дали, и даже уволили, притом, что я запустила с нуля PR-направление и показала высокие результаты. Впервые в жизни меня уволили.

Первые два эссе как раз предшествуют моим начинаниям в новой сфере. А последние новеллы повествуют о болях, полученных в мучительных сражениях с недопониманием тех, кто стоял на другом берегу реки и не давал моей лодке причалить на свою же территорию.

Этот сборник – не описание, а скорее, переживания, полученные за два года в борьбе за свое место под солнцем. В этот период я впервые получила зарплату, которую никогда не имела раньше, сорвала сердце, изранила душу, иссушила дух. Потертый стиль, спутанные мысли и снова поиск. И новый путь.

Хочется пожелать, чтобы читатели, прежде, чем ступить на предлагаемую стезю, не тешили себя иллюзиями, купаясь в обещаниях работодателей. И помнили всегда и везде о чести и достоинстве – они превыше всего. Меня так учили и так воспитывали, иначе я не могу.

Отдаюсь по полной, открываю сердце, принимаю удары. Знаю, я – миссионерка. Только миссия странная у меня – через свои страдания указывать людям на их ошибки и выводить на виток перемен и личностного развития. А для себя поняла: да, я – индивидуалистка. И мне это нравится!

КРАСНЫЕ СЛЕЗЫ

ГЛАВА 1

Ожидаемое собеседование произошло в годовщину памяти по отцу. День был хороший, солнечный, и я очень запыхалась, бегая от рынка к дому, от дома к церкви, потом снова к дому и затем к телеканалу БТС. И, если вы меня спросите, как выглядел тот, кто меня собеседовал, я не припомню ничего, кроме красной блузки и черных волос.

Добравшись наконец к пункту назначения около шестнадцати (как и было назначено), я вошла в холл административного здания. Менеджер по персоналу Эля, девушка в сером расстегнутом пуховике, попросила меня подождать – накладка произошла. И я, согласившись (деваться ж было некуда), присела на диванчик. Честно говоря, была даже слегка рада этому отдыху.

Я закрыла глаза и с осознанием выполненной самой главной миссии на сегодня, утонула в воспоминания минувшего полудня.

С утра отправилась за свежим хлебом и плюшками – отец очень хлеб любил и дорожил им; каждый кусочек берег, да что там – крошки собирал (тяжелое детство в ссылке в Казахстане сказало), помню, пообедаст и кусочек хлеба оставит, прибережет для подкрепления. А через пару часов выйдет и скажет: «Ну, что там есть поддсть?..»

Возвратившись домой, сварила кутю и поспешила в церковь. В храме еще только начиналась литургия (в церкви было не протолкнуться, в большинстве бабушки с сумками, пакетами) и меня попросили подождать.

Холодный мартовский ветер застал меня на ступеньках у входа в храм и всё время держал в тонусе – козырек сооружения и близлежащая церковная пристройка не давали ходу солнцу совсем. Через полчаса я заглянула, но все прихожане стояли на коленях и от этого места в храме стало еще меньше. Из церкви долго никто не выходил, лишь иногда забегали мамочки свечку поставить да просфорок купить; по очереди сменяли друг дружку на стороже своих малышей в колясках у крыльца. Но выходили быстро. Прихожане по-прежнему оставались внутри здания.

Через час я попыталась войти вновь; мне обнадеживающе кивнула продавец иконной лавки, мол, скоро конец. Я купила свечки и протиснулась к алтарю, там еще витал аромат церковной дымки от кадила. Скамейки храма были сплошь заняты сумками старушек-прихожан, которые не спешили расходиться, и мне пришлось всю панихиду держать свой пакет с поминальными продуктами в руках.

Стоя в молитве около зажженной свечи, вставленной в одну из ячеек кануна, я вдруг услышала за спиной шорох и обернулась – по центру храма уже на расставленные столы водрузили огромные тарели с кутьей, ярко украшенной киви, дольками мандарина и клюквой. Настоящей кутьей! Я удивилась – с чего это вдруг? Но и тут же поняла, чего ожидали все эти старушки.

После проведенного обряда священником, бабушки выстроились в очередь, набирать в заготовленные одноразовые стаканчики освященное сочиво. Я стояла недвижимо; одна пожилая женщина, заметив, что я стою в онемении и одновременно слепом узрении, подошла ко мне и объяснила, что на день Феодора Тимона готовится кутья, и что она подобна лекарству. Женщина даже как-то призывно попросила меня, чтобы я попробовала. Я не то стеснялась, не то с непривычки (никогда еще в церкви ничего не брала) все же подошла и стала в очередь.

Получив целебный стаканчик, я направилась к священнику. Он проводил странный обряд на ходу, крестя уже не молодую пару и что-то читая им наспех. Отец Василий попросил подождать. Я разложила продукты в соответствии с правилами, достала свою кутью, зажгла свечу и опустила ее в стаканчик с поминальным блюдом. А в это время в моем родном селе, в отчем доме, собрались родственники на поминальный обед по отцу.

Вскоре ко мне вышел совершенно другой священник, гораздо моложе отца Василия, и сказал, что он будет совершать поминальный обряд (честно, я даже обрадовалась, что он – не раз ходила на службу в церковь и слышала как он общается с прихожанами – и мне это запало в душу).

Панихида началась с воскурения ладана. Несмотря на то, что народ еще не полностью разошелся: некоторые старушки продолжали сидеть на лавках и поедать кутью, а технички принялись подметать пол (было очень много песка, так как то был первый день просохших весенних троп), весь последующий процесс всецело захватил меня. Дым от раскаленных углей, уходящий под купол храма, касался и меня, моих мыслей. Вместе с ароматом каждения, этот церковный дымок уносил ввысь все мои просьбы, мольбы и благодарность Богу. Войдя в это состояние, состояние небесной смиренности, я закрыла глаза. От благоухания ладана мне стало так спокойно и хорошо. И вдруг я почувствовала, что священника рядом нет. Я открыла глаза и увидела его напротив меня. Он тихо ждал. Затем глазами и жестами уведомил о завершении поминального молебна.

ГЛАВА 2

Холл административного корпуса вдруг зашумел и долго не умолкал. Я открыла глаза. Работники телеканала непрерывно сменяли друг дружку. Одни приходили, снимали деньги, уходили, на смену им являлись другие. И так очередь у банкомата не заканчивалась. Из доносившихся отзвуков счастливых голосов можно было понять, что «пришла» зарплата. Это радостное настроение ожившего вдруг холла дополняли снующие туда-сюда мальчишки с букетами цветов для своих очаровательных коллег в честь приближающегося 8 Марта.

Напротив меня на диване сидела девушка, нет, я даже засомневалась, полностью ли она женского пола (уж простите), потому как более всего она была похожа на трансвестита (ничего страшного, но я вдруг так резко открыла глаза). Она была одета как фрик-гот. Задрав (именно задрав) одну ногу на другую и оголив солидную часть колючих бедер, девушка неустанно клала по клавишам своего белоснежного смартфона. Вдруг к ней подошла (как оказалось) наш общий менеджер, Эля, и спросила, она ли Алина. Та обронила смартфону прощальный взгляд, утвердительно кивнув.

Эля забежала в свой кабинет, захватила резюме, выбежала, снова подошла к этой экстравагантной девушке в черном и повела ее в другой корпус. Когда эта фрико-леди поднялась, я ужаснулась (ну, непривычно же) – это было нечто под два метра, дико-дико худой статуры, и вообще ее фигура казалась сплошным черным мужским зонтом (сразу родилась ассоциация – образное мышление не спит). Манерной неспешной походкой девушка «мужской зонтом» вышагивала в след за менеджером, а ее черная шляпа изредка подергивалась, подчиняясь временным поворотам шеи.

Зафиксировав этот фрико-гото-герл образ и уложив его где-то на одной из полочек памяти, я снова вернулась в обычное положение, но, при отводе глаз, взор выхватил из толпы цветастый платок.

– Это же Каринка! – радостно воскликнула я (конечно же про себя).

Каринка была редактором на Новостях, где я работала журналистом. Она тоже заметила меня, и я счастливая подошла к ней. Объятия старых знакомых, краткие фразы-расспросы. Как вдруг из-за ее спины появляется еще одна Каринка (она была таким же журналистом, как и я, тогда на Новостях, а теперь они вдвоем работают на одном из проектов БТС). Обменявшись фразами, чего и как, я поведала, что в который раз уже пришла на собеседование, только с одним отличием – впервые выполнила тестовое задание (а не наоборот), и даже дважды (хоть бы не прошло зря). Я даже подержалась за руки Каринки в надежде «сбыть желание». Девчонки ушли, а я, не заметив приближающейся Эли, села вновь на диван и слегка прикрыла глаза.

Борщ! Я варила перед приходом на БТС борщ; успела его приготовить – он по-весеннему великолепно нарядным и вкусным вышел. И я даже помянула папку по-мирскому и только после этого помчалась на БТС.

Помню в 2004-м мы с папкой на буржуйке (печка такая древняя) борщ варили. Июль, тридцать градусов жары и мы с ним у буржуйки (трудные времена были, только взрывы на складах в Новобогдановке отгремели, село только начинали газифицировать, а баллон газовый не всегда доводилось возможным приобрести). Отец дровишки подкладывает, а я волшебничая над борщиком. А папка сидит и терпеливо ждет. С ароматом хворостового дымка борщик был! Я пробу даю снимать. А папка, радостный и удовлетворенный столь почетной миссией, похвалой меня одаривает:

– Вот мать никогда не дает мне пробу снимать, а ты, дочь, молодец!

Я обернулась, глянула в сторону входа. Эля мчала ко мне. Что ж, сейчас посмотрим, молодец я или нет.

Она пробежала мимо меня, и резко ворвавшись в свой кабинет, через мгновение вернулась, и маршевым ветром захватила меня, и мы скорым шагом полетели. Пробегаю мимо клумб, курящих сотрудников, скучающих водителей, Эля кричала мне, раздавая ц. у. Я ловила советы на лету.

– Вы должны объяснить, почему хотите попасть на этот проект.

– Должны знать последние новости о звездах.

– Должны аргументировать почему на БТС хотите работать.

Я возразила, что могу не знать новостей о селебрити, так как пишу сценарии по заказу, и сегодня это может быть шоу-бизнес, завтра – политика, спорт, да что угодно, и что для написания сценариев, вернее, для сбора информации, мне достаточно и Интернета, а не сутки напролет проводить у телевизора.

С ответом или без ответа Эли (уж не помню) мы ворвались в здание, прошли пропускной пункт и оказались в маленькой комнатке, в которой меня окружили семеро человек. Меня усадили на мягкий диван, я провалилась так, что едва не оказалась на полу (он, диван, был, ну, очень мягким) и тут же надо мной нависла в красной блузке (я, к слову, тоже была в красной блузке) женщина, а-ля «черная пантера» и с долей выданного ей превосходства (должность обязывает) она начала свою психологическую атаку с подсаживанием жертвы на вилы.

ГЛАВА 3

– Что-то к нам много приходит спортивных журналистов, – возразила «черная пантера», просмотрев первый лист моего резюме (точности ради, скажу, их там аж четыре).

– Наверное, потому, что спортивные журналисты мобильны, гибки и динамичны, – ответила я и вдруг подумала, чего бы не сказать, что я не только спортивным журналистом работала, а сценаристом и режиссером, и тут же сама себя осекла – в резюме все указано, молчи, наивная! А она, «черная пантера» в красном, отложила мое резюме и став очень близко напротив меня (конечно, нарушив допустимое пространство), начала быстро-быстро спрашивать. От ее молниеносности я не возгоралась, а даже начала немного подтормаживать, и вообще показалось, что ветер вдруг налетел и выветрил все ответы из моей головы.

– Скажите, вот что должен знать сценарист? – уже прозвучал вопрос красноблужной экзаменаторши.

Я выдохнула, и, собрав все оставшиеся силы, заставила себя с предельным вниманием прийти в нужную мобилизацию, чтобы отразить обрушившийся на меня звездопад рывков-вопросов.

– Очень многое, – ответила я с недоумением из серии «каков вопрос – таков ответ».

– Что главное для сценариста? – застрочила она пулеметной очередью.

– Для сценариста важно создавать интригу, – вступила я с ответом, вспомнив только что прочтенного Снайдера, – ведь именно на этом (на умении создавать интригу в логлайне) заиклилась я в последнее время (начала разрабатывать заявку к новому сценарию фильма и поняла, что интригу закручивать надо еще поучиться). Конечно, потом я стала добавлять значимые драматургические вещи, но всех их я доставала из застрявшей в моей памяти книги Блейка.

– Вы считаете это важно для зрителя нашей программы? – перебила меня «черная пантера». (Добавлю, что я пришла собеседоваться на программу «Неимоверное о звездах» в желании занять вакансию сценариста).

– Простите, а вы меня, только что спрашивали с позиции: что важно зрителю или сценаристу? – ответила я вопросом на вопрос, снова недоумеваю. – Если зрителю, тогда важно побольше ярких броских слов в тексте, сплетен, слухов, скандалов, и главное, чтобы новость была свежей и от значимой звезды.

– А поворотные точки? А драматургия? А конфликт?

– Простите, а вы меня сейчас спрашиваете, как зрителя или как сценариста? – спросила я на полном серьезе, совсем уже не понимая, чего от меня хотят. Я же внимательно «впитывала» вопросы и несколькими секундами ранее от меня потребовали ответить как зритель.

Опустив голову, я застыла в ожидании, а подняв глаза, увидела, что впервые мобильная экзаменаторша затихла (наверное, поняла, что сама путаницу создала, надменно желая доказать свое превосходство брюнетки над блондинкой).

– Это ведь знаковые вещи для сценариста... те, которые только что вы назвали, – заполнила я образовавшуюся паузу, и как бы говоря, не волнуйтесь, всё хорошо, я понимаю, такое бывает и у монстров (попадание в собственные силки, которые предназначались жертве), а я, мол, в курсе, что конфликт и поворотные точки в сценарии должны быть (блина, но какой сценарист этого не знает).

– Хорошо... Тогда, придумайте интригу! – выйдя из замешательства, приказала моя собеседница (по энергетике она явно мое контр-эго).

– Простите, интригу на какую тему? – снова спросила я в полном недоумении чего от меня хотят.

– Так, так, – заглянула она в свои записи, – вы писали тестовое задание на тему «Елка беременна», значит, придумайте интригу на тему «Елка НЕ беременна».

Экзаменаторша выпучила на меня глаза, а я схватила в охапку все свои хаотично разбросанные обрывки-мысли и начала пытаться придумать первую фразу-интригу. Но меня чего-то вырубил и я словно стала зависать (где ты взялся Блейк со своей интригой в логлайне? – теперь, что ли, я попала в собственные силки?); мне всё время хотелось потянуться за ручкой, чтобы начать наброски чиркать, ведь так легче толкаться. Но тут ко мне на помощь пришла собственно сама «черная пантера», сказав, что не надо ничего придумывать, так как у нее есть срочное, другое задание для меня.

– Так, скажите, какой вопрос вы задали б, если бы вдруг в эту комнату вошла София Ротару?

Я посмотрела на дверь и представила входящую Софью Михайловну (кстати, моя любимая с детства певица, помню, у мамы в восьмидесятых был пакет с фото Ротару, у нее еще так волосы блестели, и я мечтала быть на нее похожей), и с присущей мне чрезмерной искренностью и глубокой верой в предлагаемые обстоятельства, спросила:

– Софья Михайловна, скажите, что было для вас самым ярким, самым интересным событием после смерти вашего мужа, который был для вас самым значимым человеком в жизни?

– Хм, – иронично хмыкнула экзаменаторша и далее, утрированно ударяя каждое слово, добавила:

– Вы, считаете, это, интересно, зрителю?.. Если бы вы писали книгу, тогда да!

– Простите, но вы спросили меня, чтобы я спросила, в смысле, лично я. Вот я и спросила.

Экзаменаторша снова выпучила глаза.

– А вы, наверное, хотели попросить меня задать вопрос как для зрителя вашей программы, да? – мне показалась, что я ее послала в нокдаун.

Отведя взгляд в сторону, она, молча, кивнула. И мне вдруг показалось, что пылко-приткая а-ля «черная пантера» энергетически несколько сникла.

– В таком случае я бы спросила: у вас есть внучка Сонечка, она занимается вокалом. Готовы ли вы выводить ее на сцену, есть ли у нее репертуар?

– Еще? – оживилась экзаменаторша.

– У вас есть племянница и она делает сольную карьеру под псевдонимом. Вы помогаете ей финансово, советами, или, возможно, продюсером выступите?

– Еще? – стала набирать вопросо-обороты экзаменаторша. – Какие скандалы, связаны с Ротару?

– Слышала, что у нее есть молодой любовник, которого никто не видел, но все хотят с ним познакомиться (сама от себя не ожидала, что такое знаю).

– Еще?

– В свое время был скандал между Пугачевой и Ротару, пробежала между ними черная кошка.

– Еще?

– Честно говоря, Софья Михайловна – это не человек-скандал и в светских хрониках фигурирует не часто, – и тут же мне на ум пришел еще один факт (сама не знаю, откуда это помню). – Возможно, вилла. Земля, на которой стоит вилла, как-то легко ей досталась и там тянется нелицеприятный хвостик.

– Спасибо. До свидания!

ГЛАВА 4

Эла загребла меня мигом (да, именно загребла!) и вывела в коридор, а сама вернулась в комнату к «черной пантере». Но буквально через пять секунд вышла.

– Они сказали будут думать, – ответила Эля. – Жаль, что вас не слушала главный сценарист проекта.

– Да? А кто же меня тогда слушала?

– Руководитель проекта. А главный сценарист как раз вышла, она разговаривала за дверь по телефону.

Мчась по коридору за Элей, я обернулась и глянула на высокую девушку, продолжающую свой телефонный разговор у оставленной мною двери. И только я начала думать, что мне не повезло быть ею услышанной, как мы оказались уже у турникета на проходной.

– Ну, всего хорошего! Если что, то во вторник буду звонить, в понедельник же выходной.

– Ах, ну да, из-за 8 Марта. Хорошо. Спасибо! До свидания!

И, сойдя с трех бетонных ступенек, едва ступив на землю, ко мне вдруг прикатилась фраза-интрига: «Елка не беременна, говорят – это временно!»

Ну и Елка, чего-то слишком липко привязалась ко мне; то беременна, то не беременна, только мне что с того?

Грусть, немного смешавшаяся с хрупкой надеждой, сопровождала меня на пути к дому. Как-то так до метро дошла, как-то так в метро вошла. Эмоциональный спектр не изобилил, но и не гнетил – срединное состояние, граничащее с неизвестностью и прикрытое утренней церковной дымкой из благодати. Меня даже как-то не сильно тронула изрядно выпившая женщина в метро с букетом замученных тюльпанов в руках; она облокотилась на плечо такого же изрядно выпившего френда и временами мотала головой, будто предзнаменовывая остановки. Ее глаза с поволокой шаткой усталости открывались вместе с дверью и закрывались также в такт.

Волна изумления откуда-то справа вдруг интуитивно позвала. Я повернула голову, взгляд упал вдаль, затем немного ближе, чуть выше уровня глаз – я улыбнулась, поняв почему она, волна, оттуда идет. Мой сосед справа, он с таким диким задором смотрел, куда-то ей, женщине с замученными тюльпанами, чуть повыше сапог. Я поддалась его стремительно выискивающему взгляду и он привел меня к беспардонно расширенным ногам с прилично задравшейся юбкой.

Ну и к чему такое 8 Марта – сразу мысль меня нашла – если женщины вот так теряют свое с утра выглаженное личико и мнут не в такт празднику наряд, вываливая (именно вываливая) для всех такое зрелище? А, впрочем, прочь консерватизм, может, и не зря наши скамейки по разные стороны. Пусть будет всё либерально, мне то что.

Перед выходом я еще раз глянула на своего экс-соседа справа, он всё высматривал, дорисовывая картину, не на всю (вот благо) открывшуюся его взору, и, склоняясь слегка в прогибе, как кошка, его тюльпаны, сжатые в могучие пальцы левой руки (предназначаящиеся, безусловно, для жены) поглаживали колено нового соседа, поспешившего занять мое место.

Я тихонько улыбнулась и вышла.

Увидела автобус, заскочила и даже рискнула бесплатно прокатнуться; нашла в кармане заждавшийся талончик и – не закомпостировала. Вечер, пятница, восемьдесят седьмой – кому нужна бедная несчастная девушка в преддверии женского праздника. Неужели у какого-то контролера подымется рука штрафовать?! Хм, а мозг рулит даже в моменты отчаяния, смекнула я, и флэш-манок вдруг накатил эпизод совсем из давней жизни. Зима, украденный тьмой вечер с брезжущей луной, и отрешенный мой взгляд. Она подошла ко мне и попыталась что-то сказать. Но выражение моего лица с сыпучими солеными градинками ответило кричащей крас-

норечивостью более, чем она, контролерша, могла себе предположить. Тогда я безмолвно глотала свою боль, а в горле застревало хорошо отточенное острие штыка, целившееся не в меня, но нечаянно вдруг попавшее мне туда. Я даже не вскрикнула – нельзя было тогда...

Двери выпустили, талончик отправился в привычный карман. Разрисованный яркими красками подъезд, по-привычному, впустил меня.

Вечер давно окутал спящую квартиру. Свет рассеял царящую дремоту. Не снимая своей красной блузки, я вошла в скайп. У меня была еще одна миссия на сегодняшний день. Одела наушники. На том конце отозвались, вскоре появилась и картинка. Моя двоюродная сестренка, которую я навестила совсем недавно (за несколько дней до начала революционного Майдана поехала к ней в Россию, не выдержав картинок-видений плачущей души, что никак не могла найти покоя после смерти отца и просто толкала-молила о поездке на его родину), предчувствуя, что вскоре может быть поздно (сенсорика меня не подвела – спасибо тебе, мое шестое чувство), поприветствовала, помахав рукой. А я явилась им (там была вся ее семья, они переживают за меня, когда же их трудолюбивая родственница обзаведется наконец работой) при всем параде. Энергично бросилась разяснять нюансы проделанной работы, заверяя, что духа растеривать не собираюсь. Они советовали не унывать, а я попросила их не забыть помянуть моего папку. Валя обещала на следующий день нажарить пирожков и сходить в церковь.

Кажется, я, дочь, год назад потерявшая отца, выполнила свою миссию, главную на сегодня. Я взяла в руки стаканчик с принесенной из церкви кутьей. Пропитанное маком и фруктовым соком, священное сочиво ответило невероятным вкусом, и я заволновалась, что, увлекшись, съем его всё – отставила в сторону, наушники поднесла к третьему (у меня в такой цифре циклится оно) виду чувства, дабы извлечь чопорные, искривленные бравадой ерши-отголоски.

Музыка полилась цветочно-луговой гладью, застилая испорченный глупыми и ненужными вопросами, слух. А взор чего-то уплыл в глубинные просторы-воспоминания с едва вырисовавшимся папкиным обликом и краешками-обрывками отзвучавшей навсегда речи: «дочь, дочь, дочь»...

Мелодии, словно алхимические лекари, медово-мускусным ароматом услаждали слух, выковыривая из запруднин дна, энергетически ненужные фразы-атаки не глубоко чувствующего человека, как оказалось, агрессора, в тот значимый день для моей раненой души. Параллельно петляя строками, в новелле прятался незамысловатый текст, уже прочтенных вами первых глав. И почему-то брызнула из глаз не сдержавшаяся слеза-лиса. Она так хитро позвала за собой и других соленых подруг.

Мне из-за этих «лис» стало плохо видно. Я захотела их смахнуть, прогнать, но почему-то потянулась за зеркальцем – оно всегда рядом, на столе, в косметичке.

– Не может быть! Мамочки! Что это?!

Я подскочила. Подумала, может, я в бреду.

Подошла к древесно-облаченной люстре.

– Нет, не в бреду.

Они, правда, такие... Боже мой, красные!

Но такого со мной никогда не было.

...И?

– Боже, ты точно знаешь, что слезы бывают красные. Но почему пришло время и мне узнать, что это такое?

– Думаешь, я смогу понять?..

Я умылась и тихонько пошла спать. Конечно, я никому не сказала, что видела красные слезы – кто в такое поверит.

Во вторник никто не позвонил. А в среду я напомнила о себе сама. Просто имейлом. И надо же – в тот же день мне ответили.

«К сожалению, Вы не прошли интервью. В будущем буду предлагать Вам другие проекты».

Я просто не сдержалась и отослала свою реплику, понимая, что, возможно, не прочитан будет мой вопрос.

«Другими словами, я просто не понравилась руководительнице. Честно, я в недоумении – руководитель проекта ищет сценариста или спарринг-партнера для дебатов?»

Как и полагалось, на этом переписка закончилась. Но через день мне позвонили.

– Алёна, мы Вам предлагаем вакансию сценариста.

Свежесваренный кофе и надкушенная марципановая конфета застыли в ненужном ожидании.

– Что? Это снова БТС?

– Да. Меня зовут Маша, мне Эля ваше резюме передала. Мы ищем сценариста на новый проект, хотим Вам предложить выполнить тестовое задание.

– Знаете, Маша, и передайте там всем вашим – Наташам, Колям, Элям, Сашам – я не умею проходить интервью и ни с одним из ваших руководителей, не смотря на выполненные тестовые задания на всех языках, я его еще ни разу не прошла. Если вы ищите человека «кусачую собаку» для игры в препирания и прения, то я на эту роль не гожусь. Я – сценарист, я пишу, понимаете?

– Не волнуйтесь, вы просто посмотрите задание, я Вам его вышлю и Вы решите.

– Нет, ребята, финита ля комедия. Я не ищу работу. Баста! И non ci vediamo!¹

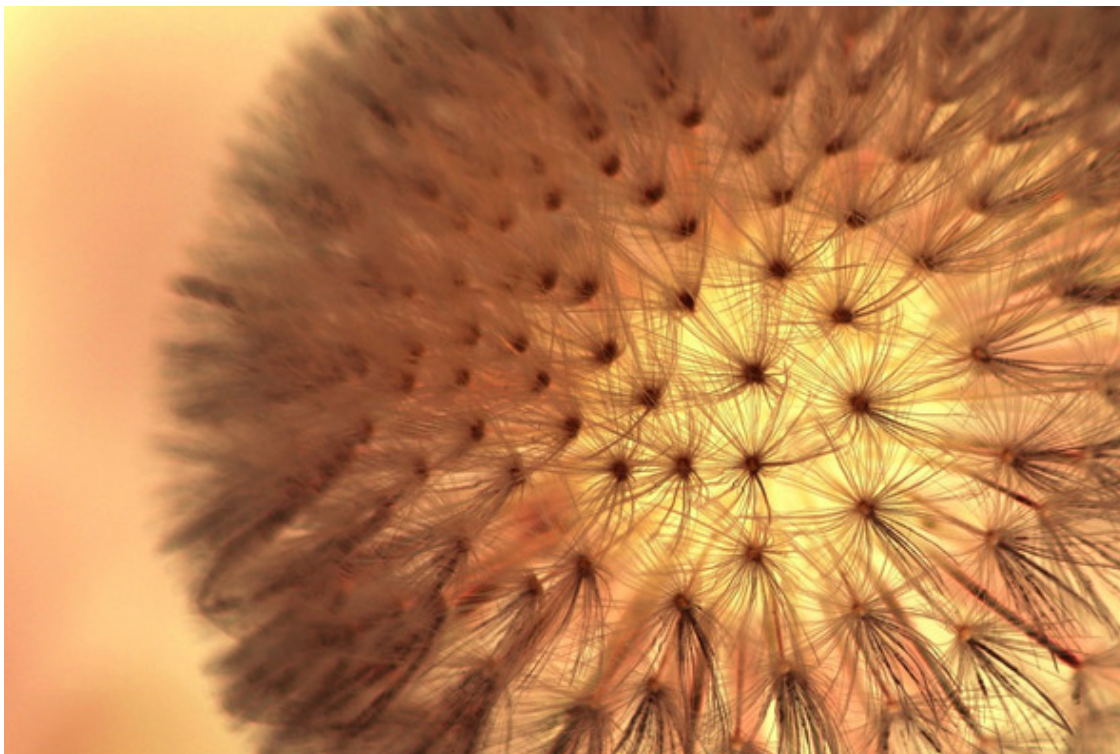
И так сразу на душе стало легко.

Прекрасный кофе, и до чего же вкусный марципан!

27.03.2014

¹ Non ci vediamo (итал.) – мы не увидимся!

МАРЦИПАНОВАЯ КРОШКА

ГЛАВА 1

Когда тестовое задание на тему «Елка беременна» было оценено БТС, как достойное (в связи с чем позднее и была назначена встреча), тогда и позвонил мой старый коллега (мы с ним одинаково профессионально несчастны – талантливы – так говорят, но живем, подбирая крохи) и предложил работу. Вернее, работать.

Официально! За пять штук!!! Представляете?

Не долларов, конечно, но где в такое время что-то лучше найдешь?

Я поинтересовалась, есть ли у меня пару дней, чтобы уж наверняка знать, будет улов с БТС или меня снова прокачают как раненую летчицу-испытательницу (не, ну подумаешь, одной раной больше – у меня их уже столько! Да и вообще – испугали больного таблетками). Марк сказал, что лучше съездить, не дожидаясь ответа от канала-безумца, так как сам за четыре года поиска работы побывал несчетное количество раз на собеседовании у БТС.

Коллега вкратце изложил предложение, выслушав его и уловив суть, я все же решила повременить, хотя аромат уже начинал витать не сакуровый – сенсорика взвилась на дыбы.

Но, когда я получила ту глупую отписку из БТС, не имеющую никакого отношения к предлагаемой вакансии, я отправилась в назначенное место и время – в поисках утраченного счастья.

(Сейчас я буду описывать, а некоторые будут узнавать места и догадываться куда я пришла).

Выйдя из метро, тропу доводилось искать, петляя по местам, пропитанным шиновой гарью, силой стремления с запахами крови и последними вскриками затухающих жизней. Закопченные лица смотрели на меня, я – на лица, и воздух... его прозрачность, она, такая, навсегда заточенная в невидимые слезы, пробирала меня энергетически, дерзновенно и сильно, что сердце сжималось в промокашку, а внутренний зор видел, словно в реальности, расстрелянных ребят.

Теперь и так будет навсегда – все выходы центрального метро ведут к баррикадам.

Я повернула в арку, взглядом вцепилась за знакомый угол (однажды была уже там). У охранника поинтересовалась на счет входа. Пять этажей без лифта. Угрюмая лестница – на некоторых пролетах курили сотрудники. Уверенно вошла в длинное помещение на пятом этаже. Спросила, где найти свою тезку, потенциальную руководительницу.

Нашла.

Заняла место возле нее.

– Рассказывайте, что можете?

– Давайте лучше так, – начала я как-то по-деловому. – Вот планшет, сейчас я открою резюме, посмотрите сами. А я пока отдышусь.

Тезка читала, я анализировала (уж простите под знаком Девы я родилась): старенький ньюсрум, истощенные столы, замученные работники.

– Понятно, – передала мне обратно планшет рыжеволосая женщина-руководительница. – Значит у вас режиссерское образование имеется?

– Да, имеется. И опыт тоже, – солнце нагло заслепило мне глаза и я сразу же с сомнением в кучу представила, как же жарко здесь летом (потому как кондиционеры, если и будут, то тоже дряхлеющие, а вообще, помню, схожую картину из предыдущей работы на ТВ). Я расстегнула пальто и добавила:

– У вас так жарко, солнце светит всюду, а на улице вовсе не так, холодно очень.

Предполагаемая руководительница промолчала и включилась в разъяснение моих функциональных обязанностей.

– Программа о качестве товаров. Вы сами находите экспертов, гостей и придумываете «бантик». Вот в выпуске о селедке «бантиком» был казацкий оселедец. Примеры сюжетов можете посмотреть у нас на сайте.

Я только хотела спросить о зарплате.

– Да, зарплата пять тысяч. На карточку! Официально, – завершила тезка информировать меня.

– Неплохо, и ясно всё, – отреагировала я. – Просто дело в том, что я только отнесла свою трудовую в школу. Правда, я там на полставки, всего пару раз в неделю – кружок театральный веду. Вот интересуюсь у вас, как мне быть, если я вам подойду.

– Да, кстати, у нас есть тестовое задание.

(Ах да, куда ж без него – успела было подумать я, вспомнив сколько их переделала за два года шатания в поисках работы).

– Но всё зависит только от вас. Нужно сделать один сюжет, потом мы будем понимать, насколько вы нам подходите. А на счет школы, так там и спрашивайте, но трудовая должна лежать у нас.

– Хорошо. Я завтра спрошу у директора, позволят ли мне забрать трудовую, а то никогда еще... – что-то в горле засигналило. Я поняла – это марципановая крошка, от конфеты утренней, по привычке с кофе, стала позволять себе в последнее время. – Извините, поперхнулась.

ГЛАВА 2

У меня потекли произвольно слезы. Надежда получить стакан с водой, так и осталась надеждой – мне его даже никто и не попытался предложить.

– Спасибо! Я пойду. Всё поняла, если что, позвоню, – еле выдавила из себя и удалилась по тому же пути, по которому несколько минут назад явилась.

Снова удрученная лестница с курилками в пролетах. И почему-то несчастные лица, слегка прикрывающиеся жизненной улыбкой и туманно-грязным смехом.

Фух, спустилась!

Крошка нашла себе уютное местечко.

Я набрала Марка.

Пара минут на ожидание. Этого хватило, чтобы познакомиться с кондиционером, свисающим с козырька здания и капающим мне на голову. Я устроилась у вспотевшего коридорного стекла.

Марк вышел из соседнего здания. В руках у него были документы – на трудоустройство.

– Надо же каким ты был забавным! – воскликнула я, увидев на лицевой стороне бланка фото. Юный пухлик-красавец! – сделала полушаг на встречу. Мы обнялись.

Марк рассказал, что уже две недели стажирруется, сделал несколько пробных сюжетов и вот наконец-то они решили его оформить, всё с той же обещанной зарплатой в заветные пять тысяч.

– Желаю тебе успеха, Марк! Расследование – это вообще не мое. Убийства, грабежи и всякое такое.

– А как на счет программы о товарах, пойдешь?

– Не знаю. Буду думать. А вообще, нет желания идти на такую мать.

– Смотри сама. Мне тоже моя мать не нравится, но надо где-то перекантоваться.

Как ужасно зависнуть в темном коридоре и ни на шаг не двинуться вперед. Мне кажется, что у нас с Марком всё именно так. А в это время другие «косят» десятки, сотни тысяч, и не только гривен, а тут тьма беспросветная, блина.

Я ехала в автобусе и сама себе сопротивлялась. Идти – не идти. А когда вернулась домой, так прям реальная ломка началась. Пять тысяч хочу, но трудиться там, писать ту жуть с бантиком не хочу. Я делала такое и не один год, выматывала себя, бегая по съемкам, дежуря на износ, по двенадцать часов на канале. Задышаться от такого начала уже через год. Еще два года пребывала в состоянии удушья, пока не решила бросить дрянные концы с обрыва в омут, в котором почти четыре года творила. Ушла в никуда, где до сих пор и пребываю. В никуда или как я говорю – я везде и я нигде.

Проснувшись утром, окончательно поняла – не пойду писать сюжеты с бантиком, не в пору мне быть выжатым лимоном. У меня процесс очистки идет – чутье просто дико рвется изнутри, если предлагаемый лакомый кусочек внутри червив.

Скоро мне стало легко и так хорошо от своего принятого решения. Неприятностью запахло, когда БТС ответил мне отказом в работе сценаристом «вы не прошли интервью». Переводя на наш язык – у руководительницы сработала личностная неприязнь. Тут же включился поиск подсознательных ответов. Найденных результатов было два: 1) «Он (перефразируем – она) слишком много знал». 2) «А не надо быть красивой такой!» Первая фраза – из фильма, вторая – друга Игоря, он часто мне твердит ее.

Погрустила немного. К отказам уже привыкла. Они стали неотъемлемой частью меня. Боль посквозила и отпустила. А через день мне позвонили. Продюсер, которого я видела однажды, заманчиво пригласил посценарировать в проекте. Предложил пустячное дело – всего

навсего диалоги пописать. Это выглядело как путь развития в сценарном мастерстве, я откликнулась и ближе к ночи погрузилась в трехсотстраничное чтение.

ГЛАВА 3

Я занервничала. Микротоки прошлись по закоулкам тонкой кожи.

С каждой новой страницей рожденное внутри отторжение становилось еще более осязаемым, и это начинало слегка сердить меня. Колко, больно и даже как-то противно-неприятно.

Неужели опять? Пахнет кидком. Или выносом мозга?

Не стоит разгадывать. Нужно дальше почитать. Только уже утром. Ушла спать.

Какой-то краеугольный камешек сознания, среагировав на сигнал, все же уложил меня вновь в постель и я проспала до девяти утра. Неспешно сделала зарядку, традиционный тонирующий зеленый чай для вхождения в новый день.

Вчитываюсь. Бог ты мой, нет конца и краю прописанному образу главной героини – и зачем так было изощряться? Лучше ж это всё «втащить» в сценарий, а не оставлять в состоянии неразвитой попытки. Предыстория понятна, но почему героиня пляшет не от нее, а уподобляясь роботу? Героиню просто напрочь лишили чувствовать и не «пришили» ни единого инстинкта, а значит всё, что написано в предыдущих пяти сериях, мертво, и надо переписывать заново. Соответственно я не смогу сделать ее чувствующей в шестой серии, если она изначально была красиво мертва.

– Твои шестая и седьмая серии, – вспомнила слова продюсера. У тебя есть всего два дня, максимум три.

Здорово – один день уже прошел, а я продолжаю вдумчиво читать.

И чего я должна сразу две серии писать? Чего не посмотреть, что я накрапаю в шестой, заплачивать за нее, тогда я и за седьмую возьмусь. Что-то здесь не так.

Четыре тысячи за серию. Не много, но поэпизодник же готов, только диалоги с меня. Читыва море – читать не перечитать. Попробовать потолкаться, что ли?

Не, ну ты посмотри на это ожившее шестое чувство! Некоторые без него всю жизнь проживают и нормально, а тут – стонала, что его потеряла, теперь оно вернулось, я же его вновь подальше засунуть пытаюсь. Нет! Так дело не пойдет!

Прочла еще раз вдумчиво предыдущие серии. Невкусно. Для меня. Ну и что? Ты же сценарист – пиши и всё. Вспомнила, как в прошлом году выносили мозг на докудрамах. Заманили. Заплатили, а на втором сценарии обломили – жестко и больно.

– Знаешь, скажу тебе, как на духу, я не смогу писать диалоги, – честно призналась продюсеру. Решила не морочить голову ни себе, ни ему, пусть другие займутся этим написанием. – Понимаешь, чем дальше читаю, тем больше понимаю, что не хочу это делать и всё. Не могу. Потолкалась – не идет. Проблема в главной героине, она выписана как робот.

– Да ты пиши и всё, – уже более участливо, чем вчера, ответил продюсер. – Ты читай, не волнуйся. Время еще есть, не спеши. Пусть это будет не три дня, а чуть больше.

– Нет, не могу. Все пять серий надо переписывать.

– Та там уже переписывают, героиня уже чувствует, а ты пиши свое.

– Я так не могу, не зная, как ее изменили. Я мертвых не умею оживлять.

– Ясно. Значит, ты не готова.

– Считаю, как знаешь.

Мне вновь, как и после отказа от написания сюжетов с бантиком, стало легко и прямо задышалось свободно. И я, с надеждой неизвестной перспективы, принялась за свои заждавшиеся новеллы и артовские сценарии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.